

НАШОКИНА М.В.

Влияние местных культур и строительными традиций на архитектуру крымских усадеб конца XVIII – начала XX века

Нащокина Мария Владимировна

Доктор искусствоведения, главный научный сотрудник,
руководитель отдела НИИТИАГ, Москва
ORCID ID: 0000-0002-8665-5264
n_maria53@mail.ru

Ключевые слова: усадьбы Крыма, местные архитектурные традиции, восточные мотивы, дворец в Бахчисарае, фонтаны «себиль», местная топонимика, этнография Крыма, архитектор Н.П. Краснов, Ливадийский дворец.

Взаимосвязи русских усадеб в Крыму с местными архитектурными традициями представляют интерес для понимания более общей проблемы – взаимодействия культуры России с культурами населявших ее народов. Древняя земля Крыма с конца XVIII века привлекла внимание русской аристократии, начавшей строить на морских берегах усадебные комплексы, в которых находили отражение местные архитектурные традиции. Наиболее важными источниками усадебных образов стали крымско-татарское архитектурное наследие, дополненное самыми разнообразными восточными мотивами, и античное наследие, известное больше по памятникам Италии и Греции. Эти формы соседствовали в крымских усадьбах до начала XX века.

Nashchokina Maria V.

Doctor of Arts, chief researcher, Head of the Department
of Scientific Research, Institute of Theory and History
of Architecture and Urban Planning, Moscow
ORCID ID: 0000-0002-8665-5264
n_maria53@mail.ru

Key words: estate of Crimea, local architectural tradition, Oriental-inspired motives, Palace in Bakhchisarai, fountain "sebilij," local toponymy, ethnography of the Crimea, architect N.P. Krasnov, Livadia Palace.

NASHCHOKINA MARIA V.

The Influence of Local Cultures and Building Traditions on the Architecture of Crimean Estates of the Late 18th–Early 20th Centuries

The Russian farmsteads' interrelations with local architectural traditions in Crimea are of great interest for the understanding of a more general problem – the interaction of Russian culture with the cultures of the peoples inhabiting it. The ancient land of Crimea from the end of 18th century attracted the attention of the Russian aristocracy, which began to build on the sea shores manor complexes, which reflected the local architectural traditions. The most important sources of manor images were the Crimean Tatar architectural heritage, complemented by a variety of Oriental motifs, and ancient heritage, known more on the monuments of Italy and Greece. These forms coexisted in the Crimean estates until the beginning of the 20th century.

УДК 72
ББК 85.11

Взаимоотношение архитектуры русских усадеб в Крыму с местными архитектурными особенностями и традициями представляет интерес не только для региональной истории архитектуры, но и для понимания более общей проблемы – взаимодействия русской культуры с культурами населявших ее народов, которая нередко по незнанию или преднамеренно искажается. В ее русле, естественно, находятся и архитектурные взаимосвязи. В данном случае хотелось бы рассмотреть их в целом, не останавливаясь на частностях, как феномен русской культуры конца XVIII – начала XX века.

Истоки интересующей нас проблемы восходят ко времени присоединения Крыма к России. Тогда русское правительство в первых же законодательных актах, касавшихся вновь приобретенных земель, обещало новым подданным «охранять и защищать их лица, имущество и веру», а также «сохранить в неприкосновенности правовой порядок новой провинции» [2, с. 2]. Манифест 1793 года разрешал раздачу в Крыму только пустопорожных земель, которых было достаточно много, что обеспечило бесконфликтность дальнейшего сосуществования местного татарского, греческого, болгарского (и других) и пришлого русского населения [19, с. 161]. Только после этого начался долгий и плодотворный процесс культурного освоения и адаптации полуострова к реалиям России.

Прекрасная и древняя земля Крыма сразу привлекла внимание русской аристократии и образованных путешественников, которые жадно впитывали впечатления, не упуская случая обрисовать обычаи и облик местных жителей – татар, греков, армян, караимов, болгар, немцев и их бытовые традиции. В последние десятилетия XVIII – первые десятилетия XIX века было издано немало разнообразных

путевых заметок о Крыме, содержащих меткие этнографические наблюдения, часто касавшиеся именно архитектуры. Уже к рубежу XVIII–XIX веков на Южном берегу и в районе Ак-Мечети (Симферополя) появились первые русские усадьбы, а 1820–1840-е годы исследователи уже считают расцветом помещицкой колонизации Крыма [22, с. 77]. Уже этот начальный период усадебного строительства в Крыму был отмечен стремлением поддержать местный восточный архитектурный колорит. Оно не было заданным или программным, но романтизм эпохи с его вниманием ко всему экзотическому и сохранявшаяся татарская среда Крыма сами подталкивали владельцев к мечтам о пестрых восточных дворцах, чарующих садах и жгучих тайнах сералей.

Уловив настроение русской знати, первые приглашенные архитекторы Ф. Эльсон и К. Эшлиман немало строили в «турецком» стиле, еще весьма условном, наследовавшем некоторые особенности «тюнкери» екатерининского времени, но постепенно, исподволь начинавшем осваивать элементы архитектурного языка, навеянные местной традицией. Таковы Азиатский павильон (старый дворец, 1824–1828) в Алушке, затем и новый дворец по проекту архитектора Э. Блора (1832–1848), дом Л.С. Потоцкого в Ливадии, дом П.С. Палласа около Симферополя, «псевдотатарские» дачи с галереями М.А. Нарышкиной в Мисхоре и Д.Е. Башмакова в Мшатке, дом в мавританском стиле в имении Карасан генерала Н.Н. Раевского (1839) и т.д. Восточный облик получил даже собор Св. Иоанна Златоуста в Ялте, возведенный в горах по проекту И. Торичелли (1833–1837). Немного искусственный «мусульманский» или «азиатский» стиль (его называли по-разному) в первой половине XIX века стал очень популярен в среде русской аристократии в Крыму. Современники описывали, что в 1830-х годах по дороге из Ялты в Алушку стояли многочисленные дворцы в «азиатском вкусе», трубы которых были похожи на минареты, а интерьеры украшали резные раскрашенные потолки, подражавшие потолкам XVII–XVIII веков в зажиточных татарских домах Бахчисарая, Евпатории, Карасубазара [5, с. 287]. Начиная осваивать Тавриду, просвещенная элита России не только с восхищением оценила красоту ее природы, но с интересом, бережно отнеслась к ее местной культуре, обычаям и художественным традициям крымских татар и караимов.

С самого начала освоения Крыма была заложена топонимическая традиция, основанная на местных названиях. Большинство усадеб получили имена по названиям близлежащих татарских деревень и урочищ – Ялта, Мисхор, Гурзуф, Массандра, Олеиз, Симеиз, Ай-Тодор, Ай-Диниль и т.д. Ее отчетливый восточный колорит в дальнейшем подхватили и развили названия новых усадебных ансамблей: Дюльбер (тюрк. – прекрасный, великолепный), Коккоз (тат. – голубой глаз), Кичкине (тат. – малютка), Суук-Су (крымско-тат. – холодная вода), Карасан генерала Н.Н. Раевского, участника войны с Персией за освобождение Грузии – Хорасан (персид., – восход солнца, восток) – область и культурная столица Персии, родина Омара Хайама, Фирдоуси, Ибн Сины и других выдающихся литераторов и ученых.

Русских наблюдателей особенно привлекали своей необычностью татарские деревни и жилища, которые они подробно и с удовольствием описывали. Однако в практику усадебной архитектуры Крыма эти наблюдения тогда еще войти не могли. Русские помещики, подхватывая местный восточный колорит, скорее, пытались добавить в местный пейзаж недостающие восточные дворцы, которые восстанавливали бы привычную для их восприятия российскую пространственную и сословную иерархию – богатая усадьба в виде дворца и окружающие ее деревни. К тому же в первой половине XIX века преобладало еще весьма схематичное представление о местной традиции как о части обширного мусульманского мира, а потому оно воплощалось в архитектуре первых крупных южнобережных поместий не буквально, а опосредованно – с помощью немногих условно «восточных» приемов.

К примеру, самое известное сооружение Крыма первой половины XIX века – Алушкинский дворец – ориентирован, безусловно, не на местные архитектурные прообразы, а на стилизационные «восточные» постройки Европы 1820–1830-х годов, особенно Англии, преуспевшей в те годы в создании разных вариантов доселе невиданного «индийского» стиля, и на сказочно прекрасные мавританские дворцы Испании. Некоторая сухость трактовки стен (английская!) в сочетании с готическими по рисунку рамами окон, цитировавшими современную английскую архитектуру, венчали башенки и каминные трубы, завершенные экзотическими восточными луковками, по всей видимости, навеянными архитектурой Индии. Кроме того, дворец

обращен к морю выразительной лоджией, красноречиво названной «Альгамброй» (!), в декор стен которой вплетена арабская надпись «Нет победителя, кроме Аллаха» (!). Любопытно, знали ли владельцы ее перевод, или надпись оказалась здесь исключительно как убедительная декоративная деталь, скопированная с выбранного прототипа.

Однако местный колорит в Алушкинском ансамбле тоже присутствует. И это не только местный камень диабаз, из которого возведен дворец. Светлейший князь М.С. Воронцов, несомненно, старался подчеркнуть архитектурную связь своего поместья с местным зодчеством. Восточные формы его дворца, окруженного со стороны моря легкими открытыми галереями и имевшего кровли с большим выносом, все же придавали усадьбе крымскую образную специфику, ощутимую не только для европейца. Именно эти открытые галереи второго этажа и крыши большого выноса, опробованные в Алушке, стали в дальнейшем наиболее популярны в восточных стилизациях в Крыму. Кроме того, М.С. Воронцов выстроил в Алушке для местных жителей (в большинстве своем татар) новую красивую мечеть [1, с. 59] в том же «мусульманском» стиле, который имел мало общего с подлинным крымско-татарским зодчеством.

Ансамбль Алушкинского дворца положил начало и еще одной «местной» традиции, широко распространившейся в крымских усадьбах на протяжении XIX века. Здесь в память об А.С. Пушкине в 1849–1851 годах был устроен фонтан «Мария» (арх. В. Гунт), копировавший в общих чертах известный Бахчисарайский фонтан слез. Подобные пристенные и отдельно стоящие фонтаны «себиль», варьировавшие восточные декоративные орнаменты и детали, стали с середины XIX века неотъемлемым и любимым атрибутом большинства русских усадеб в Крыму. Они сохранились в Алушке, Ливадии, Меласе и других усадьбах.

Так, с самого начала архитектурным образцом начинает служить Бахчисарайский ханский дворец – единственный сохранившийся турецко-татарский дворцовый архитектурный ансамбль XVI–XVIII веков, включавший помимо разнообразных и ярко раскрашенных татарских построек с живописными деревянными кровлями и одну европейскую древность – уникальный резной белокаменный портал XVI века, по преданию сделанный итальянским зодчим Алевизом по пути в Московию. Органичное соединение ренессансной уники с су-

губо восточным колоритом утверждало возможность существования восточной экзотики и в современных дворцах русских аристократов. Уникальный по масштабу и художественной ценности архитектурный памятник местной культуры оказался в полной мере ключевым для всей истории русского зодчества XIX – начала XX века в Крыму.

Следующий этап освоения восточных форм в архитектуре крымских усадеб связан с именем талантливого петербургского зодчего и театрального декоратора И.А. Монигетти, служившего архитектором Высочайшего Двора. В Крыму он создал новый оригинальный архитектурный стиль, основанный на стилизации Бахчисарайского дворца. Он сам подчеркивал, что строит здания в «татарском вкусе» или «во вкусе татарской избы» [7, с. 48]. Наиболее ярким его произведением, безусловно, стал Малый дворец в Ливадии, с 1860 года ставшей императорской резиденцией.

Малый дворец (1862–1866) запоминался подчеркнuto татарским обликом – выразительными округлыми кровлями разной высоты и большого выноса, галереями-балконами и резными гребнями на крышах. Его облик и детали прямо адресовали воображение зрителя к Бахчисарайскому комплексу. В том же «татарском» стиле был выстроен и Министерский дом в Ливадии, дополненный к тому же живописными вставками и орнаментами на стенах, которые также легко сопоставимы с тем же прототипом. В те годы в Ливадии появились и другие восточные элементы – оригинальная «Турецкая» беседка над аллеей и восточные фонтаны «Мария», «Ливадия», «Мавританский».

В 1820–1830-е годы сформировалась еще одна стилистическая параллель крымской архитектуры, которая также прошла красной нитью через всю дореволюционную историю полуострова. Крым начинает метафорически и исторически восприниматься как Русская Эллада, ведь с его присоединением Россия обрела собственное античное наследие! Это совпало со вновь вспыхнувшим в Европе интересом к древней греческой культуре, подстегнутым борьбой Греции за независимость от турецких завоевателей и поразительными открытиями в греческой археологии, давшими новый импульс современной архитектуре, породив помпейский стиль и стиль «неогрек». Образованные владельцы южнобережных имений начинают очень скоро коллекционировать местные античные древности и дают толчок

широкому археологическому изучению полуострова. Складывается привлекательная традиция крымской усадебной архитектуры – использование в обустройстве построек и парков подлинных античных предметов. Уже граф Л.С. Потоцкий – первый владелец Ливадии – в 1840-х годах превратил ее, по отзывам современников, в маленький античный музей. В его доме хранилась коллекция помпейских древностей, а парк украшали мраморные антики.

Русская архитектура Крыма начинает как бы дополнять эти некогда окраинные земли Древней Греции новыми «античными» постройками. В Алушке М.С. Воронцова в 1835 году был возведен прелестный классический Чайный домик, перед которым из обломка античной колонны были устроены солнечные часы, а в стену был вмонтирован античный саргофаг II–III в. н.э. Образную пару ему составляла усадебная церковь, возведенная в виде почти точной копии храма Тезея в Афинах, для чего архитектор Ф.Ф. Эльсон использовал подлинные обмерные чертежи этого памятника, опубликованные знаменитыми английскими археологами и исследователями античности Стюартом и Реветтом [22, с. 79]. Небольшая церковь во имя Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи в виде греческого храма появилась в 1829–1832 годах и в другой усадьбе М.С. Воронцова – Массандре (арх. Ф.Ф. Эльсон). Облик греческого храма имела католическая церковь в Керчи (1840), царившая в панораме города, где в первой половине XIX века начались археологические раскопки, сразу давшие немало поразительных открытий [4, с. 31], сделавших параллель с культурой Древней Греции все более наглядной. В 1841 году знаменитый немецкий зодчий К.-Ф. Шинкель выполнил в греческих формах проект дворца в Ореанде – имении императрицы Александры Федоровны, первом царском имении в Крыму. В дальнейшем дворец был построен по проекту А.И. Штакеншнейдера – любимого зодчего Николая I, однако неогреческий характер комплекса, адресующий воображение владельцев и их гостей к Древней Греции, не изменился.

Во второй половине XIX и начале XX века продолжалось историко-этнографическое изучение всех сторон крымской жизни. Быт местных татар и караимов, которые, несмотря на многочисленность переселенцев в Турцию, продолжали составлять довольно значительную часть населения (в 1880-х годах их было около 150 тысяч), изменялся медленно, относительно эволюционно. Русская цивилиза-

ция, обогатившая сельское хозяйство полуострова, принесла с собой и просвещение – во второй половине XIX века в многонациональном Крыму открылось множество национальных учебных заведений – татарских медресе, караимских кенас, армянских и немецких школ и т.д.

Углублялись и научные исследования Крыма. Если в конце XVIII – первой половине XIX века в литературе о Крыме преобладали очерки путешественников [5; 15; 19; 26; 27], во второй половине XIX – начале XX века изучение истории и культуры полуострова выходит на профессиональный уровень. Появляются первые научные труды о народах, населяющих Крым, и прежде всего о крымских татарах [14; 18; 20; 21; 23]. Среди исследователей стоит упомянуть французского археолога барона де Бай, тесно связанного с русскими историками [24; 25]. Издаются обобщающие труды [6; 11; 12; 16] и немало монографических книг, посвященных истории отдельных городов и местностей Крыма, отдельных историко-культурных и архитектурных памятников – Севастополя, Керчи, Судака, Феодосии, Балаклавы [3; 9; 10; 13], Успенского скита и т.д. Огромный материал неизменно поставляла крымская археология – в 1900-х годах русскими учеными были изучены кладбища в Керчи, Старом Крыму, Судаке, Феодосии, Алуште, Гурзуфе, Симеизе, Бахчисарае, Симферополе, Евпатории, Херсонесе, Севастополе, а также в частных имениях – Кучук-Узене, Артек-Кучук-Ламбате, Партените, Суук-Су, Массандре, Ливадии, Алушке, Кореизе, Симеизе. В 1916–1917 годах при археологических раскопках в Евпатории было найдено греческое поселение Керкинитида. Изучение культур местных народов отражалось и в мелкой усадебной и дачной архитектуре полуострова второй половины XIX – начала XX века, в которой распространился особый тип многоуровневой каменной постройки с открытыми верандами, глубокими козырьками крыш, восточными формами окон и дверных проемов.

В 1890-е годы были проведены первые серьезные исследования Бахчисарайского дворца, были сделаны его подробные обмерные чертежи, а в 1900 году во дворце начались реставрационно-восстановительные работы по проекту архитектора Краснова, которые вновь оживили интерес к подлинной архитектуре крымских татар, что не замедлило проявиться в усадебном строительстве.

С именем архитектора Николая Петровича Краснова [8] по преимуществу связан последний, очень яркий и самобытный этап

русского усадебного зодчества в Крыму. Ему удалось сказать новое слово и в «восточном», и в «античном» направлениях крымской архитектуры. Восточной фантазией мастера стал великокняжеский дворец Дюльбер (1895–1897), заказанный великим князем Петром Николаевичем – путешественником и художником-любителем, увлеченным культурой народов Ближнего Востока. Здание с белыми гладкими стенами получилось необыкновенно выразительным, в нем почти не было многодельных восточных орнаментов и пестрых майоликовых ковров. Историк Н.П. Кондаков, в эти годы бывавший в Бахчисарае, попытался интерпретировать его стилистику с точки зрения ученого: «...всякая орнаментальная часть дворца напоминает сарацинские здания Египта и Сирии, ...можно было бы ...назвать дворец «арабским» или, вернее, ...сарацинским» [8, с. 69]. Восточный образ, созданный Красновым в Дюльбере, получился столь убедительным, что сам по себе стал объектом стилизации в нескольких крымских особняках и дачах.

Совершенно иным по стилю стал Охотничий домик князей Юсуповых (1908–1910) в их горном имении Коккоз. Н.П. Краснов взялся за эту работу, одновременно занимаясь реставрацией Бахчисарайского дворца, ставшего стилистическим образцом для нового сооружения, в архитектурных формах и интерьерах которого оказалась воплощена уютная камерность, присущая ханскому комплексу. Все части комплекса были покрыты майоликовой черепицей, напоминавшей старую татарскую. Даже мебель была скопирована со старинной татарской, окна столовой украшали витражи с восточной орнаментикой, на полах лежали ковры, диваны и кресла покрывали восточные ткани. Посетивший усадьбу император Николай II назвал стиль сооружения «старым татарским» и вполне оценил его красоту и оригинальность [8, с. 98–99]. Помимо Охотничьего дома по заказу Юсуповых в том же старотатарском стиле Краснов возвел в близлежащей деревушке караван-сарай (постоялый двор) и мечеть.

Еще одной чрезвычайно оригинальной интерпретацией татарского архитектурного наследия Крыма стала усадьба Я.Б. Жуковского Новый Кучук-Кой, расположенная между Симеизом и Форосом. Этот уникальный памятник русского Серебряного века воплотил оба основных стилистических начала в русской архитектуре Крыма. Композиция главного усадебного дома органично сочетала упрощенные,

близкие к древнегреческой архаике фронтоны, ступенчатый аттик, портал с простыми и целесообразными элементами татарского жилища – лестницами, навесами, верандами [17].

Образно схожей с главным домом Нового Кучук-Коя была вилла художника Л.М. Браиловского в Крыму, стиль которой также можно назвать «неотатарским». Ее простой кубообразный объем, дополненный двумя небольшими открытыми верандами и перголой, еще определеннее исходил из характера крымско-татарского жилища с его плоской кровлей, глухими наружными стенами и характерной неровной поверхностью затертого известью крымского песчаника. Простое по композиции сооружение выглядело очень органичным в непосредственной близости от сохранявшихся в югобережных горах небольших татарских деревушек.

Застраивавшийся в начале XX века Симеиз воплотил поровну восточную и античную стилистические тенденции. Среди наиболее выдающихся дач выделялись постройки архитектора Н.П. Краснова, который возвел доходный дом коннозаводчика К.П. Коробьина как своего рода вариацию Дюльбера, а также более скромную виллу «Эльвира» в восточном стиле для И.А. Яцкевича и т.д. Восточным богатством облика и отделки поражал особняк табачного фабриканта Стамболи в Феодосии. Этим ряд восточных усадеб не исчерпывается.

С середины XIX века после неудачной Крымской войны в архитектуре полуострова появилась еще одна важная стилистическая линия – византийская, также укорененная в его древнюю историю. Она заняла особое место в культуре Крыма в связи с празднованием 900-летия Крещения Руси, поскольку Св. князь Владимир Креститель принял крещение в Корсуни (крымском Херсонесе). В византийском стиле было возведено немало крымских храмов, в том числе усадебных. Примерно в те же годы в крымских усадьбах появляются стилизованные мотивы классического итальянского Возрождения – именно к этому времени относятся генуэзские крепости в Крыму, дающие и этому стилю местную прописку. В 1900-е годы местный колорит в Крыму, базирующийся на местных традициях, получил еще большее стилевое разнообразие – начали строиться несколько новых монументальных армянских церквей, прообразами которых стали знаковые храмы Армении. Например, церковь в Ялте (арх. Г. Тер-Микелов по эскизу В. Суренца, 1909–1914) была возведена по

образцу известной армянской святыни – церкви Рипсима в Эчмиадзине [10, с. 32].

В 1900–1910-е годы в архитектуре Крыма активно продолжалась «античная» традиция, поддерживавшая красивую параллель с Элладой. В 1900–1902 годах Н.П. Краснов построил в Ялте дачу композитора А.А. Спендиарова с портиком кариатид, оживлявшим в памяти подлинный древнегреческий портик афинского Эрехтейона; несколько позже по его же проекту появилась в Симеизе дача Н.С. Свиягина, украшенная портиками ионического ордера и кариатидами. В 1902–1903 годах в аналогичных формах по проекту Н.П. Краснова был выстроен дворец в имении Чаир великой княгини Анастасии Николаевны. Появляются в начале XX века и более скромные здания в античных классических формах – вилла Панэа в Симеизе (нач. XX века), вилла Н. Крамарж в Мисхоре (1900-е годы) и т.д. Другими словами, в этих крымских постройках возродились формы характерного для 1830–1840-х годов стиля «неогрек».

Самым монументальным усадебным сооружением Крыма 1910-х годов стал ансамбль нового Большого дворца в императорском имении Ливадия. Архитектор Н.П. Краснов возвел его в 1910–1913 годах в формах итальянского ренессанса, корнями уходящего в собственную античность. Ливадийский парк украшали подлинные античные древности – саркофаг из Помпеи, античные терракотовые вазы, римская мраморная статуя. В имении Харакс великого князя Георгия Михайловича (управлявшего в 1904–1913 годах Русским музеем имени императора Александра III), где еще с 1848 года велись раскопки римской крепости I в. до н.э., был возведен парковый фонтан в виде 12-колонного портика, для которого использовались подлинные мраморные колонны из сгоревшей в 1881 году Ореанды. Найденные во время усадебных раскопок колонны, рельефы, античная керамика живописно дополнили парковые сооружения.

Страстным археологом и большим поклонником античной культуры был великий князь Александр Михайлович, владелец Ай-Тодора в Гаспре. Его археологическое собрание было лучшим в Крыму. Неудивительно, что домовый храм в его имении имел греческий портик, а в парке были установлены амфоры, античные торсы, обломки мраморных капителей. В стену Малого дворца в Ай-Тодоре, возведенного все тем же Н.П. Красновым в 1912 году

для детей великокняжеской четы (так называемого «Детского дома»), были вмонтированы подлинные античные барельефы.

Представленный обзор усадебной архитектуры Крыма XIX – начала XX века позволяет почувствовать ее стилистическое разнообразие, последовательно развивавшиеся и воображаемые (принадлежавшие народам, давно ушедшим с исторической сцены) местные архитектурные традиции. Наиболее важными для стилистического образования стали два источника, один из которых был более реальным – крымско-татарское архитектурное наследие, дополненное самыми разнообразными восточными мотивами, а другой в большей степени метафорическим, питавшимся в основном литературными и историческими сведениями – античное наследие, известное прежде всего по памятникам Италии и Греции, но не обходившееся вниманием и крымские античные древности. Обе эти стилистические тенденции, в равной степени обогатившие местную культуру, в совокупности с другими стилистическими линиями – византийской, армянской, итальянской, – предопределили уникальность и неповторимость русского усадебного мира Крыма. Таким образом, русское усадебное строительство в Крыму возродило и образно закрепило по большей части утраченные знаки разнонациональных культур, которые исчезли в период турецкого владычества. Оно же стало самым сильным побудительным импульсом изучения и художественной интерпретации архитектуры крымских татар. Другими словами, русская помещичья цивилизация образно утвердила Крым как перекресток многих культур.

Список литературы:

- 1 Берндт Э. Альбом всех лучших и достопримечательнейших видов Южного берега Крыма. Одесса, Издание Эмиля Берндта, 1869. 38 с.
- 2 Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса, тип. «Одес. вестн.», 1888. 112 с.
- 3 Валуева А.П. Севастополь и его славное прошлое. С 34 рисунками Н.С. Самокиша. 2-е изд. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1904. 180 с.
- 4 Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М.: Искусство, 1983. 184 с.
- 5 Демидов А.И. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М.: тип. А. Семена, 1853. 543 с.
- 6 Завадовский В.Я. Сто лет жизни Тавриды: В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России 8 апреля. 1783–1883. Вып. 1. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1885. 324 с.
- 7 Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. У всех нас осталась тоска по Крыму... Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. 314 с.
- 8 Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего двора. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. 200 с.
- 9 Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей / сост. Зенкевич Х.Х. Керчь: Скоропечатная типо-литография Х.Н. Лаго и Ко, 1894. 162 с.
- 10 Килессо С.К. Архитектура Крыма. Киев: Будівельник, 1983. 95 с.
- 11 Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. Этнография Тавриды. Т. 1. М.: Типография В.В. Чичерина, 1883. 306 с.
- 12 Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. Этнография Тавриды. Т. 2. М.: Типография В.В. Чичерина, 1883. 545 с.
- 13 Кушнерев Д. Судакская долина и Генуэзская древняя капелла. Феодосия / Свящ. Кушнерев. М.: Тип. А.Б. Натковича и Н.М. Винковича, 1904. 18 с.
- 14 Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь: Таврич. губ. тип., 1897. 541 с.
- 15 Мальгин А.В. Первопроходцы и туристы в Крыму в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Москва – Крым. Историко-публицистический альманах. 2001. Вып. 3. С. 188–212.
- 16 Маркевич А.И. Таугіса. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Симферополь, Типография Таврич. губ. правления, 1894. 394 с.
- 17 Нащокина М.В. Архитектура главного дома Нового Кучук-Коя // Мир усадебной культуры. I Крымские Международные чтения. Симферополь, 2002. С. 37–44.
- 18 Радде Г. Крымские татары // Вестник Императорского Русского географического общества. 1856. Кн. 6. СПб., 1857. С. 290–330.
- 19 Сумароков П.И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб.: Имп. тип., 1803. 226 с.
- 20 Туак и Ускут. Экономическая характеристика татарских деревень / Стат. бюро Тавр. губ. земства. Симферополь: Типография С.Б. Синани, 1903. 116 с.
- 21 Хартахай Ф. Историческая судьба Крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. II. с. 182–236.
- 22 Щиряев С.Д. Усадебная архитектура Крыма 1820–1840 гг. // Крым. 1929. № 2. С. 72–102.

- 23 Янсон Ю.Э. Крым, его хлебопашество и хлебная торговля. СПб.: тип. Безобразова и Ко, 1870. 78 с.
- 24 Baye J. baron de. *Chez les tatars de Crimée, souvenirs d'une mission*. Paris, Nilsson, 1906. 47 p.
- 25 Baye J. baron de. *En Crimée*. Paris, 1906.
- 26 Baron Francois de Tott. *Memoires, sur les Turcs et les Tartares*. Vol. 1–4. Amsterdam, 1784–1785.
- 27 Spenser E. *Travels in Circassia, Krim-Tartary &c: Including a Steam Voyage Down the Danube from Vienna to Constantinople, and Round the Black Sea, in 1836*. Vol. 1. London, Henry Colburn, 1838. 438 p.

References:

- 1 Berndt E. *Al'bom vsekh luchshih i dostoprimechatel'nejshih vidov Yuzhnogo berega Kryma* [Album of all the best and most interesting views of the Southern coast of Crimea]. Odessa, Izdanie Emilya Berndta Publ., 1869. 38 p. (In Russ.)
- 2 Blyumenfel'd G.F. *Krymsko-tatarskoe zemlevladieniye* [Crimean Tatar land tenure]. Odessa, tip. Odes. vestn. Publ., 1888. 112 p. (In Russ.)
- 3 Valueva A.P. *Sevastopol' i ego slavnoe proshloe. S 34 risunkami N.S. Samokisha* [Sevastopol and its glorious past. With 34 drawings by N.S. Samokish]. St. Petersburg, Izdanie A.F. Devriena Publ., 1904. 180 p. (In Russ.)
- 4 Voronov A.A., Miha]lova M.B. *Bospor Kimmerijskij* [Bosporus of Cimmeria]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983. 184 p. (In Russ.)
- 5 Demidov A.I. *Puteshestvie v YUzhnuyu Rossiyu i Krym cherez Vengriyu, Valahiyu i Moldaviyu, sovershyonnoe v 1837 godu Anatolijem Demidovym* [A trip to southern Russia and the Crimea through Hungary, Wallachia and Moldova, made in 1837 by Anatoly Demidov]. Moscow, tip. A. Semena Publ., 1853. 543 p. (In Russ.)
- 6 Zavadovskij V.Ya. *Sto let zhizni Tavridy: V pamyat' prazdnovaniya stoletnego yubileya prisoedineniya Kryma k Rossii 8 aprelya. 1783–1883* [One hundred years of Taurida's life: In memory of the celebration of the centennial of the annexation of Crimea to Russia on April 8. 1783–1883]. Vol. 1. Simferopol', Tavricheskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1885. 324 p. (In Russ.)
- 7 Kalinin N., Zemlyanichenko M. *Romanovy i Krym. U vsekh nas ostalas' toska po Krymu...* [Romanovs and Crimea. We all have the longing for the Crimea ...]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2002. 314 p. (In Russ.)
- 8 Kalinin N., Kadievich A., Zemlyanichenko M. *Arhitektor Vysochajshogo dvora* [Architect of the Highest Court]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2003. 200 p. (In Russ.)
- 9 Zenkevich H.H., ed. *Kerch' v proshedshem i nastoyashchem. Istoriko-arheologicheskij i geograficheskij ocherk s prilozheniem opisaniya dostoprimechatel'nostej goroda i ego okrestnostej* [Kerch in the past and present. Historical, archaeological and geographical essay with the application of a description of the sights of the city and its environs]. Kerch', Skoropechatnaya tipo-litografiya H.N. Lago i Ko Publ., 1894. 162 p. (In Russ.)
- 10 Kileso S.K. *Arhitektura Kryma* [Architecture of Crimea]. Kiev, Budivel'nik Publ., 1983. 95 p. (In Russ.)
- 11 Kondaraki V.H. *V pamyat' stoletiya Kryma. Etnografiya Tavridy* [In memory of the centenary of Crimea. Ethnography of Tauris]. Vol. 1. Moscow, Tipografiya V.V. Chicherina Publ., 1883. 306 p. (In Russ.)
- 12 Kondaraki V.H. *V pamyat' stoletiya Kryma. Etnografiya Tavridy* [In memory of the centenary of Crimea. Ethnography of Tauris]. Vol. 2. Moscow, Tipografiya V.V. Chicherina Publ., 1883. 545 p. (In Russ.)
- 13 Kushnerev D. *Sudakskaya dolina i vnov' osvyashchyonnaya Genuezskaya drevnyaya kapella* [Sudak Valley and the newly consecrated Genoese ancient chapel]. Feodosiya, 1885.
- 14 Kushnerev. *Sudakskaya dolina i Genuezskaya drevnyaya kapella Feodosiya* [Sudak Valley and the Genoese Ancient Chapel of Theodosius], Svyashch. Kushnerev. Moscow, Tip. A.B. Natkovicha i N.M. Vinikovicha Publ., 1904. 18 p. (In Russ.)
- 15 Lashkov F.F. *Istoricheskij ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniya* [The historical outline of the Crimean Tatar land tenure. Collection of documents on the history of the Crimean Tatar land tenure]. Simferopol', Tavrich. gub. tip. Publ., 1897. 541 p. (In Russ.)
- 16 Mal'gin A.V. *Pervoprophodcy i turisty v Krymu v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv.* [Pioneers and tourists in the Crimea in the late 18th – first half of the 19th centuries]. Moskva-Krym. Istoriko-publicisticheskij al'manah, 2001, vol. 3, pp. 188–212. (In Russ.)
- 17 Markevich A.I. *Taurisa. Opyt ukazatelya sochinenij, kasayushchihsya Kryma i Tavricheskoj gubernii voobshche* [Tauriisa. The experience of the index of essays relating to the Crimea and the Tauride province in general]. Simferopol', Tipografiya Tavrichesk. gubernsk. pravleniya Publ., 1894. 394 p. (In Russ.)
- 18 Nashchokina M.V. *Arhitektura glavnogo doma Novogo Kuchuk-Koya* [The architecture of the main house of New Kuchuk-Koy]. *Mir usadebnoj kul'tury. I Krymskie Mezhdunarodnye chteniya* [World of estate culture. 1st Crimean International Readings]. Simferopol', 2002, pp. 37–44. (In Russ.)
- 19 Radde G. *Krymskie tatary* [Crimean Tatars]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva: 1856 g.* Kn. 6 [Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society: 1856, vol. 6]. St. Petersburg, 1857, pp. 290–330. (In Russ.)
- 20 Sumarokov P.I. *Dosugi Krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [Leisure of the Crimean judge or a second trip to Tauris]. Part I. St. Petersburg, Imp. tip. Publ., 1803. 226 p. (In Russ.)
- 21 Tuak i Uskut. *Ekonomicheskaya harakteristika tatarskih dereven'* [Tuak and Uskut. Economic characteristics of Tatar villages], Stat. byuro Tavr. gub. zemstva. Simferopol', Tipografiya S.B. Sinani Publ., 1903. 116 p. (In Russ.)
- 22 Hartahaj F. *Istoricheskaya sud'ba Krymskih tatar* [The historical fate of the Crimean Tatars]. *Vestnik Evropy*, 1866, vol. II, pp. 182–236. (In Russ.)
- 23 Shiryayev S.D. *Usadebnaya arhitektura Kryma 1820–1840 gg.* [Manor architecture of Crimea 1820–1840]. *Krym*, 1929, no. 2, pp. 72–102. (In Russ.)
- 24 Yanson Yu.E. *Krym, ego hlebopashestvo i hlebnaya trgovlya* [Crimea, its tillage and grain trade]. St. Petersburg, tip. Bezobrazova i Ko Publ., 1870. 78 p. (In Russ.)
- 25 Baye J. baron de. *Chez les tatars de Crimée, souvenirs d'une mission*. Paris, Nilsson, 1906. 47 p.
- 26 Baye J. baron de. *En Crimée*. Paris, 1906.
- 27 Baron Francois de Tott. *Memoires, sur les Turcs et les Tartares*. Vol. 1–4. Amsterdam, 1784–1785.
- 28 Spenser E. *Travels in Circassia, Krim-Tartary &c: Including a Steam Voyage Down the Danube from Vienna to Constantinople, and Round the Black Sea, in 1836*. Vol. 1. London, Henry Colburn, 1838. 438 p.